

– БабУшка, бабУшка, look! – Патрик указывал левой рукой в небо, где парят два ярких змея, а правой рукой поворачивал ее лицо, чтобы она с гарантией увидела в небе огромную красную птицу и желто-голубую толстогубую рыбу.

– Это воздушные змеи, – объяснила Лера, глядя в небо. – Хочешь, мы с тобой такого купим и будем его запускать его в небо?

Патрик громко смеялся, хлопал в ладоши и обнимал ее за шею. Патрик очень ласковый ребенок

– БабУшка, you are the best! – Он гладил ее по волосам, по плечу, прижимал ее ладонь к своей щеке. Потом положил ее руку себе на голову, приглашая приласкать его самого. Глаза за толстыми линзами казались совсем маленькими. Он неуклюже переступал в песке босыми ногами. Кроссовки они оставили в машине, решили после школы походить по теплomu песку. В конце октября солнце уже светит полетному, хотя вода в океане все еще прохладная. Они часто приезжают сюда после уроков посидеть на песке. Патрик строит только ему понятные конструкции из песка, а Лера любит океаном или читает. Русских книг здесь очень мало, приходится заказывать в России, хотя это для нее и дороговато. Подумать только, раньше она не любила читать! Хотя и времени у нее особо не было, разве что во время отдыха. Но в отпуск они с мужем всегда ездили за границу, либо в очень хорошие пансионаты. И компания собиралась уже на месте. Борис, ее муж, был режиссером, а она актрисой. Сейчас бы сказали «звездная пара». Борис и спектакли ставил, и снимал много, и фильмы все были достаточно успешными, один раз даже в Венеции приз дали. А уж из нее, Леры, вылепил настоящую кинозвезду – таинственную и прекрасную! Борис

строго следил, чтобы за пределы семьи не просочилось ни одного слуха, ни одной сплетни, очень он боялся, что будут их имена по всей Москве, а то и по всей стране трепать. И часто примеры приводил: вот мол, такой-то в ресторане напился, с официантом подрался, теперь его никто в группу брать не хочет, или вот, актрису такую-то законный муж с любовником застал, скандал с дракой вышел, развелась они, и актриса уже год без работы сидит. Лера даже сниматься у другого режиссера не могла, Борис не разрешал. Но зато и условия ей для съемок создавал сказочные, все завидовали! А какие роли он ей подбирал! Лера и Шекспира сыграла, и Чехова, Мольера, и Ибсена, – всех не перечислишь! Ах, какая у них жизнь была волшебная!

Борис был ее старше на восемнадцать лет, шутил всегда, что она вполне могла быть ему дочкой, баловал ее, подарки дарил. Только детей не хотел. Сначала боялся, что Лера фигурку испортит и дома засядет, – кто тогда за нее играть станет и звездный статус поддерживать. Потом стал беспокоиться, что Лера станет ему меньше внимания уделять, вся уйдет в материнство. И всегда этот вопрос о ребенке у них не ко времени вставал. То картину только что закончили, то спектакль сдали; то читку новой пьесы начали, то картину запускать надо, – хлопот полон рот, где уж тут отпуск почти на два года брать! Так вот и дотянули до Лериных тридцати семи лет. У Бориса юбилей в тот год праздновали – тридцать лет творческой деятельности, у Леры скромные пятнадцать. Поехали они по путевке на Балатон, потом на неделю русского кино в Софию. Время провели отлично: и отдохнули, и с коллегами встречались, и кино разрекламировали. А по приезде в Москву выяснилось, что у Леры уже срок три месяца, и ребеночек успешно развивается. Ну, Борис сначала в шоке пребывал, потом расстроился, что нужно для следующей картины новую актрису искать, пару раз поскандалил даже! А потом понял, что ничего уже не изменить, примирился, что отцом станет, разомлел. Да и возраст у него солидный, куда уж откладывать, – сейчас или никогда! Борис даже согласился Лерину маму из Черемушек к ним в центр перевезти. И доплату за обмен выложил без возражений. Поселили маму здесь же на бульваре в пятиэтажке в двух шагах от их элитной «сталинки» – удобно. Рожать Борис устроил Леру в самое козырное место, и родила она легко, и уснула радостная, не удивившись даже, отчего же ей ребеночка-то не показали. Спала Лера и улыбалась во сне: мальчик, все как Борис мечтал – наследник! С тем и разбудил ее Борис: – Проснись, Лерунчик, кончай улыбаться, у нас неприятности! Так и назвал это – «неприятности»!

Мальчик их, такой долгожданный, в котором должны воплотиться все Лерины мечты и вся гордость Бориса родился с синдромом Дауна. Борис ей сразу же все рассказал. И что ей с карьерой придется проститься, и что Дауны и до школьного возраста не доживают, и что это позор для их семьи! Про позор он особенно долго распространялся. Благим матом орал:

– Мой сын – Даун??? Мой сын – debil? У меня нет и не может быть такого сына! И жены, которая будет воспитывать Дауна у меня быть не может! В моем доме не место... И опять все с начала: – Мой сын – Даун!.....

Леру он сломал быстро. Она подписала отказные бумаги. Петечку, а Лера мысленно стала называть ребенка Петечкой, больше не приносили. Лера старалась не выходить из палаты, лежала, отвернувшись к стенке. Ей казалось, что все роженицы, медленно прогуливавшиеся по коридору, ее узнали, и что все они знают, что ее сын – Даун. Даун...

Леру выписали быстро. Борис приехал за ней с огромным букетом белых роз. Он забрал ее не на городскую квартиру, а на дачу и целую неделю жил с ней там, отпаивая ее чаем с коньяком.

– Я всем сказал, что ребенок умер! – как-то бросил он, пододвигая Лере чашку. – Твоя мама так плакала, что я думал, что придется неотложку вызывать!

А через неделю Борис заявил, что время не ждет и им уже пора запускаться, группа набрана, сценарий хороший. И роль там как раз под Леру – молодая одухотворенная учительница, влюбленная и благородная.

– Ты же не домохозяйка, которая копается в собственном кухонном мире! – говорил Борис. – Ты принадлежишь зрителю, а зритель хочет видеть тебя красивой и счастливой.

Они опять снимали зимой, Борису особенно удавались сцены зимой среди снежного простора. Вечерами уходили гулять за село. Лере Борис купил валенки, чтобы она не замерзала. Эти прогулки по вечерним снегам как будто бы снова их сблизили. Лера честно старалась забыть Петечку, пила на ночь снотворное и спала тяжелым сном без сновидений. Играла она плохо. Во время съемок Борис кричал и топал ногами.

– Ты можешь! Ты сделаешь это! Ты актриса, а не ткачиха ивановская! В конце концов Лера смогла отключиться и на автопилоте сыграла так как хотел Борис. Он остался доволен. Фильм сдержано хвалили, и сразу после положенного отпуска предложили запускаться с новой картиной.

Отпуск они провели в пансионате под Москвой. Прошло уже полтора года после истории с Петечкой. Лера все гадала, жив ли он еще или уже, слава Б-гу, отмучился и помер. Мысли о ребенке не покидали ее ни днем ни долгими вечерами, когда они сидели в Борисом у камина. Она представляла как выходит во двор с коляской, непременно высокой, синей с окошками, а в окошке виднеется младенческое личико. Однажды Борис разбудил ее на рассвете.

– Ты говорила во сне, – тихо сказал он, – звала Петечку. Это кто?

Лера молчала, испугавшись, что Борис будет сердит на нее. Он приподнялся на локте и пристально смотрел ей в лицо.

– Так кто такой Петечка? – повторил он.

– Я так его называю, – промямлила Лера, – ребеночка, нашего мальчика.

– Гос-ди, – мысленно взмолилась она, – ну кто у меня есть ближе чем Боря? Ну неужели он меня не поймет?

Она порывисто обняла Бориса:

– Отдай мне Петечку, – со слезами умоляла она. – Ты один можешь отдать мне ребенка! Давай попробуем еще раз, Боренька, родной! Я больше так жить не могу! Дай мне Петечку!

Борис тогда сам чуть не заплакал, обнял ее и гладил по голове как маленькую.

– Да, моя маленькая, да, любимая, – повторял он.

Каролина родилась через год. Прекрасная здоровая девочка, пухленькая, с беленькими кудряшками. Все поздравляли звездную пару, друзья восхищались, противники завидовали. Лерина мама души не чаяла в малышке. За заботами о Каролинке Лера стала забывать Петечку, перестала каждый день представлять его в доме малютки. С годами ей удалось убедить себя, что Петечки больше нет.

Каролинке не было и двадцати лет, когда скончался Борис. Лера еще несколько лет играла в театре, правда, уже роли второго плана.

Сниматься после смерти Бориса ее никто не звал. Дочка окончила университет, работала в фирме по продаже немецких холодильников, потом она перешла на работу в банк. Там в банке познакомилась Каролина с Диланом, австралийским менеджером, потом и замуж за него вышла. Через два года Дилан увез ее в Сидней. Жили они, судя по Каролининым рассказам, очень хорошо. Зарабатывали оба прилично, весь свет объездили, а потом и ребеночка завести решили. Каролина загодя оформила все документы, пригласила мать в гости на целый год. Лера радовалась, словно на крыльях летала – мальчик, внучек! Ее ждали в мае, Каролина уже и билет ей прислала. Мальчик родился в марте.

– Вес хороший – три двести, – писала в чате Каролина. – Рост пятьдесят один сантиметр.

Лера радовалась за них, покупала внуку яркие китайские одежды, ждала отъезда. Квартиру свою она сдала через агентство, деньги должны были переводить в банк.

– На мелкие расходы хватит, – думала Лера. – Главный расход в Сиднее на жилье, а я и жить, и питаться буду у детей, бесплатно. Так что мне на все хватит!

Не о том она думала!

Каролина встретила ее в аэропорту, обнялись, расцеловались, покатали чемоданы в машину. Машина, отметила Лера, шикарная - новая, открытая, ярко-красная – мечта, а не машина! Поехали они почему-то не домой, а в кафе. Дочка принесла кофе, какие-то пирожные.

– Мама, – начала Каролина, нервно теребя шарфик, – я хочу, чтобы ты знала до того, как увидишь Патрика. Только ты не волнуйся! У тебя лицо такое выразительное, ты чувства скрывать не умеешь. Дилан очень расстроится. Его родители вначале ужасно переживали, даже плакали.

– Да что такое случилось? – испугалась Лера. – Что с ребенком?

– Ты только не волнуйся, – опять завела Каролина. – У Патрика синдром Дауна.

Если бы в Леру угодила молния, то она бы не поразила ее настолько, насколько ударили по ней слова Каролины. Дочка долго не могла ее успокоить, Лера рыдала так, что им пришлось уйти из кафе. Они поехали на пустынный в это время берег океана и долго сидели на скамейке у пляжа. Каролина говорила о том какую помощь им оказывают, и как хорошо развивают таких детей, и как они живут полноценной жизнью, ну, почти полноценной. А в голове у Леры крутилось одно: – Патрик – Петечка, Петечка – Патрик! Я предала Петечку!

Привезла ее Каролина в тот день домой чуть живую. Лера даже посмотреть толком на Патрика не смогла, уснула едва раздевшись и проспала весь день. Только к вечеру поднялась.

– Мама? – Дилан вышел из детской с ребенком на руках. – Вы проснулись? Хорошо! По-зна-комтеc с внуком! Patrick dearest say hello to your Nanna Lera!

И он протянул Патрика Лере. Голубые глазки ребенка смотрели бессмысленно, светлые бровки удивленно приподняты, маленький полуоткрытый ротик был розовым, как бутоны пионов на подмосковной даче. Лера окинула взглядом маленькие ручки, сжатые в кулачки, кривенькие ножки в голубых носочках, трогательно тонкую шейку. Ее

внук. Тут уж не повыбираешь, какого Б-г послал, такого и любить. Она взяла Патрика на руки и заворковала над ним.

– Ты ж мой мальчик! Ты ж мой сладенький! Ты ж мой маленький!

Лера не видела, как прослезился Дилан, обняв за плечи Каролину, не слышала, как дочка, шмыгая носом, вытирает слезы о мужнину майку. Она вдыхала младенческий аромат внука, вбирала его по капельке, растила свою любовь к этому маленькому мальчику. И уже тогда знала, что любовь эта будет трудной.

– БаБУшка! – снова подбежал к ней Патрик. – Я тебя лублу!

– И я тебя люблю! – улыбнулась Лера.

Патрик обнимает ее, его все еще младенчески пухлая ручка гладит Леру по плечу. Он отстраняется, улыбается ей и снова неуклюже переваливаясь на песке уходит к воде. Лера смотрит ему вслед и тоже улыбается. Патрик не говорит по-русски. Он знает несколько фраз, и знает, что баБУшке приятно услышать что-нибудь на русском. «Лублу!» – Петечка! – бормочет Лера.

Патрику уже шесть. За эти годы Лера была в Москве всего один раз.

Город показался ей холодным и неухоженным. Без театра, без Бориса и вдали от Кролины и Патрика жизнь теряла всякий смысл. Она пробыла в Москве две недели, переделала множество дел, поставила на продажу дачу. Встречаясь с подругами, которых завела уже после смерти Бориса, Лера водила их в дорогие кафе и изо всех сил старалась убедить их и в первую очередь себя, что жизнь удалась. Все у них с Каролинкой хорошо, все здоровы, ребенок растет, ему уже скоро в школу идти.

– Ласковый он у нас, Петечка, – рассказывала подругам Лера. – Перед сном всех – и меня и родителей, – обнимет, ручками погладит... И говорит уже хорошо, и по-русски немного знает. Гулять очень любит! Мы с ним в парк ходим, на велосипеде кататься учимся, на берегу домики из песка строим...

В конце концов Лера не выдержала и позвонила знакомому врачу. Справка обошлась недорого, и Лера узнала, что Петечка, названный в Доме малютки Сережей, в детский дом по достижении трехлетнего возраста, переведен не был. Просто не дожил до трех лет Петечка.

А Патрику через месяц должно было исполниться три года. Лера поменяла билет и улетела обратно в Сидней на месяц раньше. Что ей теперь в Москве делать? А в Сиднее Патрик без нее скучает. Няня его в парк не водит, во дворе играет, и на берег не везет мальчика, – зачем ей лишние хлопоты!

Лера привыкла к Сиднейской жизни, ей почти совсем перестала сниться старая сирень у окна ее спальни на даче. Да и сама дача теперь принадлежит чужим людям. Интересно, сохранили ли они сирень? Выкорчевали, наверное, старый куст, как сама Лера выкорчевала свою московскую жизнь...

Патрик уже ходил в школу, и Лера полдня была свободна. Она искала себе занятие, наводила блеск в доме, складывала из квадратиков картинки, записалась в библиотеку. Но не было такого дня, чтобы она не задавала себе ставший главным для нее вопрос:

– Сказать Каролинке про Петечку или не говорить? Унести тайну с собой или облегчить душу на старости лет?

Да и как воспримет это дочка? А уж Дилан, который в Патрике души не чает, верно, и слова с ней по-доброму никогда не скажет!

Патрик опять подбежал к бабУшке. Он нашел ракушку и спешит поделиться радостью. Таких ракушек у них уже много, и на каникулах они с Патриком будут делать бусы для мамы. Лера рассеяно погладила мягкие светленькие волосики Патрика.

– Ты мой любимый, – сказала она, – ты мой маленький Петечка!

– I am not Pe-tech-ka! – возразил Патрик. – Babushka say Pat-rick! Pat-rick!

Он выжидательно смотрел на нее, и Лера покорно повторила его имя трижды.

– Good girl Babushka! – похвалил ее Патрик и снова ушел к воде.

Лера посмотрела на часы: еще минут пять и пора домой. Дилан любит, чтобы к ужину все собирались вместе. После ужина Патрик помогает убрать со стола, а потом сразу ложится спать.

Дома они теперь едят из пластиковых тарелок. Патрик учится мыть посуду, и вилки, ножи и тарелки постоянно выскользывают из его неловких ручонков. Но Дилан с Каролиной решили, что сын должен уметь сам себя обслуживать. Патрик сам одевается, чистит обувь, собирает свои игрушки.

– Мама, поймите, – доказывал ей Дилан, – мы не строги к ребенку, мы реально смотрим на вещи! Патрик должен жить как все дети, а времени обучиться всему у него уйдет больше, чем у других. Помогайте ему советом, но не более!

Лера понимает, что родители правы, но сердце ноет, глядя как Патрик мыльными ручками старается удержать скользкие тарелки.

– Так сказать или не сказать? – неотступно крутится в голове мысль. – А что это изменит? Петечки давно нет на свете, а Патрик мне самый родной ребенок. А Каролинка еще подумает, что мы ее родили взамен

Петечки. И вообще, она такая принципиальная... Дилан меня презирать будет, это уж точно!

Патрик попрощался с папой и бабУшкой, и Каролина отвела его в спальню. Это ритуал, от которого ребенок не дает отступать. Мама должна прогнать всех монстров, притаившихся под его кроватью, а потом сказать: – Спи спокойно, увидимся завтра!

Лера сварила кофе, принесла поднос к дивану перед телевизором, поставила на столик. Дилан поблагодарил, отпил из своей чашки и оглянулся на Каролину.

– Ты хочешь рассказать или мне начинать? – спросил он.

Каролина молча глядела в свою чашку, и Дилан, вздохнув, начал разговор.

– Мама, мы хотели бы иметь еще одного ребенка. Когда мы состаримся, у Патрика будет близкий человек его возраста, брат или сестра. Мы сегодня были у врача. Он считает, что у нас очень хорошие шансы иметь здорового ребенка, посоветовал нам попробовать. Так и сказал: – Go ahead! – Вперед!

– Мама, ты нам очень помогаешь! – вступила Каролина. – Патрик уже в школе, полдня ты свободна. Когда родится ребенок, мы возьмем няню на полдня, она будет и с хозяйством помогать, и все вместе мы справимся.

– После школы Патрик будет проходить курс специального развития, мы уже нашли подходящий клуб, говорили с тренером. Начнем в феврале, пусть Патрик попробует, пускай привыкнет.

– Мама, – предвидя Лерины опасения вставила Каролина, – Патрику надо учиться жить. А там серьезные тренировки, даже пони-клуб есть, их учат ездить верхом!

Лера только и смогла сказать:

– Делайте как вы считаете лучше, дети...

Ночью она ворочалась, сон не шел. Ну, теперь-то надо Каролине сказать обязательно. И Дилану надо сказать про Петечку. А вдруг у них опять получится... Лера даже мысленно боялась произнести этот приговор: «синдром Дауна».

– Несчастливая моя девочка, – думала она, ворочаясь под вентилятором в своей слишком теплой спальне. – Все из-за меня! Если бы я давно рассказала ей о Петечке, может быть она не стала бы рожать Патрика... В глубине души, хорошо зная свою Каролинку, Лера понимала, что та все равно бы родила, и так же самоотверженно заботилась бы о ребенке, независимо от того чем он болен. Вспомнить только какая она активистка в группе родителей детей с синдромом Дауна.

Утром Лера достала дорожную сумку. Она соберет немного вещей на первое время, вдруг дети воспримут ее рассказ совсем плохо и ей придется сразу уйти из дому. Деньги у нее есть. Дилан настоял, чтобы она не тратила на хозяйственные нужды. А теперь уже год как она стала получать австралийскую пенсию. Она проживет! Но вот Патрик... Как ребенок останется без бабУшки, кто его заберет со школы, кто повезет на берег. И воздушного змея она ему обещала... Может, отложить на денек, а завтра она сходит в магазин игрушек... Нет! Сегодня! Откладывать нельзя, потом будет поздно.

Патрик в тот вечер перед сном обнимал ее особенно долго, гладил ручками по спине, перебирал волосы.

– Ты такая красивая, бабУшка, – сказал он, – почти как мама. Спокойной ночи. Увидимся завтра!

Ритуал соблюден, и Патрик за руку потянул Каролину в спальню, а Лера стала варить кофе. Она теперь варит кофе с корицей и шоколадом. Детям нравится, хвалят. Кому она завтра кофе сварит, а главное, где?

Каролина вернулась быстро. Патрик, утомленный беготней по берегу, заснул, как только голова коснулась подушки.

Сегодня Лера решила не сидеть на своем обычном месте рядом с Каролиной на диване. Она выбрала низкий пуфик, на котором любил сидеть Патрик, и села напротив сидящего в кресле Дилана.

– Я должна вам рассказать, дети, – начала она. – Это случилось за два года до твоего рождения, – Лера подняла глаза на Каролину.

Когда она закончила свой рассказ смертью Петечки, в комнате повисло молчание.

– Ну, вот оно! – побледнела Лера. – Сейчас начнется...

– Бедная моя мамочка, – со слезами в голосе проговорила нараспев Каролина. – Бедная мамочка, ты скрывала это ото всех столько лет, носила в себе! С тобой не было никого, кто бы смог тебе реально помочь, посоветовать...

– А ребенок точно умер? – спросил практичный Дилан.

– Я читала о таком отношении к даунятам в то время, но теперь же все по-другому, правда? – в голосе Каролины звучала надежда.

– Это должно быть правдой! – подтвердил Дилан. – Время другое, врачи другие, и люди теперь совсем не такие категоричные! – А может у вас неверные сведения и Petech-ка жив? Мы можем нанять detective искать him! – Дилан от волнения вставлял английские слова.

– Нет, дети, все точно, – покачала головой Лера, – Петечка не прожил и трех лет. Тогда такими детьми не занимались, не развивали, – голос Леры прервался. – Не лечи...ли... – шепотом закончила она.

– Пойдем, мамочка, спать, – встала с дивана Каролина, – тебе надо лечь!

– Она обняла Леру за плечи и повела в спальню. Следом за ними в спальню вошел Дилан с бокалом бренди.

– Мама, вам надо выпит это! Русским всегда помогает выпит алкоголь! – настаивал он.

Лера выпила, даже не почувствовав вкуса и, слава Б-гу, провалилась в сон.

По субботам к ним обычно приезжали родители Дилана, жившие в маленьком городке недалеко от Сиднея. Они очень любили Патрика, каждую субботу увозили его гулять и кататься на парходике, курсировавшем по Сиднейской бухте. Дилан попросил у Леры разрешения рассказать родителям о Петечке. Лера согласилась. Ей теперь было все равно, – дети поняли, не осудили, простили ее. Главное, что она останется с Патриком. В тот день, прощаясь, Грейс, мать Дилана, очень чопорная дама, неожиданно потянулась обнять Леру, а Байрон, его отец, долго тряс Лерину руку. В понедельник после школы Лера отвезла Патрика в парк. Маленький складной велосипед помещался в багажнике машины. Ребенок ездил по дорожкам, взвизгивал, проезжая возле фонтана, – брызги летели во все стороны. Умаявшись, Патрик сел на скамейку передохнуть.

– БаБУшка, – спросил он, болтая ногами, – Nanna Grace рассказала мне о твоём маленьком мальчике. Он теперь в Раю и смотрит на меня, правда?

– Правда, милый, – подтвердила Лера.

– И ты очень печальная потому что скучаешь за ним, да? – допытывался Патрик.

– Да, милый, да, мой родной! – Лера обняла его плечики.

– Ты хочешь называть меня Pe-tech-ka? – повернулся к Лере Патрик. – Я не буду тебя поправлять, ты же просто хочешь кого-то так называть чтобы не быть печальной, да?

Лера не смогла сдержать слез, и Патрик сначала размазывал ей слезы по лицу руками, потом, вспомнив, достал из кармана школьной курточки клетчатый носовой платок.

– Use your manners! – очень серьезно сказал он, протягивая Лере платок. Лера рассмеялась сквозь слезы, и Патрик тоже улыбнулся, ему нравилось, что баБУшка больше не плачет.